

М. САЛТЫКОВ ЩЕДРИН
ЗА РУБЕЖОМ

Москва
"СОВЕТСКАЯ РОССИЯ"
1989

Автор вступительной статьи А. М. Турков

Примечания доктора филологических наук С. А. Макашина

"Свое" и "чужое"

Когда в 1875 году Салтыков после тяжелой болезни впервые уезжал за границу, Некрасов обратился к нему со стихотворным посланием, начинавшимся словами:

О нашей родине унылой
В чужом краю не позабудь...

Строго говоря, призыв этот был излишним. Мало того, что великий сатирик любил Россию, по его признанию, "до боли сердечной", но он, как редко кто из современных ему писателей, чутко реагировал на все, что в ней происходило. То, что зовется примелькавшимися словами "злоба дня", сильнее всего отзывалось в его душе, соотносилось со всей громадой опыта, накопленного за время службы в столице и провинции, обновляло этот опыт, позволяло угадывать вероятный ход дальнейших событий, обнаруживая под острым взглядом писателя таящиеся в действительности "готовности", способные вскоре сделаться реальностью. Недаром современник Салтыкова физиолог И. М. Сеченов назвал его однажды великим диагностом.

Для писателя такого склада даже временная разлука с родиной была особенно болезненной. Саркастические остроты Салтыкова по поводу празднующейся публики европейских курортов, всех этих дамочек, у которых "в прошлом... -- декольте, в будущем -- тоже декольте", и их кавалеров, озабоченных "улучшением обмена веществ", особенно злы еще и потому, что для него самого отъезд из России -- острейшее нарушение всех духовных функций, вызывавшее непрерывные жалобы, которыми полны его письма ("Я не знаю, можно ли было набрести на более несчастную мысль, как услатить меня за границу" и т. п.).

Тягостность ситуации усугублялась и тем, что в глазах необычайно требовательного к себе писателя все созданное им находилось в самой драматической зависимости от условий, в которых существовала литература на его родине, -- от бдительного ока цензуры, от необходимости прибегать поэтому к "езоповым притчам". Полный мучительного скепсиса по отношению к судьбе своих сочинений у потомков, он заодно решительно отрицал возможность какого-либо интереса к ним и в современной ему Европе, занятой более насущными для нее проблемами. Для французов, например, он, по его категорическому утверждению, писатель восемнадцатого века.

Тем не менее, если в первых поездках за границу сатирик еще был полностью сосредоточен на сугубо отечественном материале и, например, рассказом "Семейный суд" заложил фундамент будущих "Господ Головлевых", то в 1880 -- 1881 годах из-под его пера вышло произведение, которое исследователи справедливо именуют "одной из великих русских книг о Западе", добавляя при этом, что, подобно очеркам Герцена, Достоевского, Глеба Успенского, эта "книга не только о Западе, но о России и Западе и, по существу, о России больше, чем о Западе".

И дело тут не в арифметических пропорциях, а в том, что "здесь русский дух, здесь Русью пахнет" во всей, говоря академическим языком, постановке вопроса -- и в жадном, давнишнем интересе к "чужой" жизни, и в горячем сочувствии всему созвучному авторским идеалам, а также в столь же страстном отвержении чуждого им, и в той боли сердечной, о какой уже было сказано, и в то же время в беспощадности национальной самокритики.

Замечательное свойство всех лучших представителей "литературной Руси", обращавших свой пытливый взор на Запад -- от "Писем русского путешественника" Карамзина до "скромных" статей Чернышевского в некрасовском "Современнике", -- это органическое слияние не только естественных напряженных гаданий о собственной судьбе России, быстро приближавшейся к тем историческим путям и